

Т. П. Смирнова

Нижегородский государственный лингвистический университет

«МЕЖА ЯЗЫКОВ»: МНОГОЯЗЫЧИЕ В ТРАНСКУЛЬТУРНОЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Многоязычие как отличительный феномен полилингвальных литератур изучается в германистике на примере транскультурной немецкоязычной литературы (современной литературы немецкоязычных мигрантов) и определяется ее главным, конститутивным признаком. Многоязычие проявляется на различных уровнях литературного текста (фонетическом, морфологическом, лексическом, повествовательном и т. д.) и способствует эстетизации межкультурной словесности. В основу исследований положены теоретические представления С. Холла о гибридности культур в эпоху глобализации, о продуктивности «третьего пространства» Х. Баба, возникающего на границе контактирующих культур, о литературном поле П. Бурдьё. Задолго до современных теоретиков мультикультурализма положительный потенциал диалога культур фиксирует М. Бахтин. В теоретических работах 1930-1940-х гг. о теории и истории романного жанра М. Бахтин впервые вводит в исследовательский контекст металингвистическую категорию многоязычия («межа языков») и определяет ее главным фактором в развитии романного (прозаического) слова. Эвристически значимые, категориально связанные с многоязычием понятия, открытые М. Бахтиным («разноязычие» («гетероглоссия» в современной «нарратологической» интерпретации); «гибридные конструкции»; «стилистический гибрид»; другие), интегрированы в современные исследования транскультурных литературных практик. Цель исследования ориентирована на изучение возможных репрезентативных форм многоязычия в транскультурной немецкоязычной литературе. Эмпирическое исследование проведено на материале романа «Die Brücke vom Goldenen Horn» (1998) немецкой писательницы турецкого происхождения Э. С. Эздамар. Особое внимание уделяется интеграции многоязычных цитат, представленных в романе без перевода. В указанном ракурсе творчество Э. С. Эздамар анализируется впервые. Делается вывод о продуктивном стилистическом и имагологическом потенциале литературного многоязычия.

Ключевые слова: многоязычие; разноязычие (гетероглоссия); транскультурная немецкоязычная литература; Михаил Бахтин; Эмине Севги Эздамар; «Die Brücke vom Goldenen Horn»

1. Введение

Современная транскультурная немецкоязычная литература (нем.: *die transkulturelle deutschsprachige Literatur*) (Esselborn, 1997;

Esselborn, 2009) (в традиционном определении — *немецкоязычная литература мигрантов*) представляет собой новый художественно-литературный жанр (*субжанр* в различных интерпретациях) и объединяет писателей-мигрантов, избравших языком социализации и литературного творчества немецкий язык, не являющийся для авторов родным. Предметные исследования изначально «псевдолитературного» направления в западной германистике начались в 1990-е гг. благодаря возникшему в международном дискурсе интересу к миграции, мультикультурности и постколониальной литературе. В условиях современного «глобального этнопространства» (*global ethnoscape*) (Appadurai 1990) межкультурная словесность немецкоязычных мигрантов изучается наряду с произведениями мировой мультикультурной (транскультурной) литературы (постколониальные культуры и литературы США, Великобритании, Канады, Франции).

Многоязычие определяется сущностным, конститутивным признаком немецкоязычной транскультурной литературы, который проявляется на различных уровнях литературного произведения (фонетическом, морфологическом, лексическом, жанровом, сюжетном, повествовательном и т. д.) в сочетании (гибридном смешении) элементов нескольких естественных языков (часто первого (родного) языка литераторов-мигрантов) и культур с литературным (немецким) языком этих авторов, что создаст особый «креативный» потенциал современной немецкоязычной поликультурной словесности (Bürger-Koftis, Schweiger, & Vlasta 2010: 14, 18). Многоязычие и гибридность, как следует из вышесказанного, трактуются как синонимичные, однако не тождественные понятия; в современных исследованиях термины используются как взаимодополняющие.

2. Характеристика материала и методов исследования

Система теоретических опор в изучении литературной транслингвальности многопланова и учитывает концепцию П. Бурдье об автономном и гетерономном литературном поле и литераторах-мигрантах как его непосредственных актантах; теоретические представления С. Холла о гибридных культурах и особых человеческих идентичностях, «продуктах» взаимосвязанных и взаимопроникающих друг в друга историй и культур и их дифференциальных признаков, возникающих в условиях глобализации (Hall 1994: 218); культурологические гипотезы Х. Баба

о продуктивном «третьем пространстве», территории формирования «Я» и его (гибридной) идентичности со свойственными ей многогранными процессами развития и преобразования, генерирующими дальнейшие изменения (Bhabha 2000: 2).

Положительный потенциал «диалога смыслов» «своей» и «чужой» культур, преодолевающих в процессе межкультурного взаимодействия «замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур» (Бахтин 1996, VI: 457), задолго до современных исследователей фиксирует М. Бахтин. В теоретических работах 1930-1940-х гг. о теории и истории романного жанра М. Бахтин впервые вводит в контекст своих научных размышлений металингвистическую категорию «многоязычия» («межа языков») и определяет ее (исследуя наряду с типологией смехового образа) в качестве важнейшей предпосылки в становлении романного (прозаического) слова (Бахтин 1996, V: 534).

Продуктивность «активного многоязычия» в прозаическом тексте романа М. Бахтин характеризует следующим образом:

«Для многоязычного сознания язык вообще приобретает новое качество, становится чем-то другим, чем он был для глухого одноязычного сознания» (Бахтин 1996, V: 157).

«Активное многоязычие и способность глядеть на свой язык ...глазами других языков», по мысли философа, обеспечивают сознанию исключительную свободу «по отношению к языку», а «язык делают чрезвычайно пластичным даже в его формально-грамматической структуре» (Бахтин 1996, IV (1): 494).

В литературном (прозаическом) произведении многоязычие проявляется через комбинацию различных стилевых «регистров» внутри одного национального языка, когда утрачиваются «разделения высокого и низкого, запретного и дозволенного, священного и профанного в языке» (Ibid.). Многоязычие «в строгом смысле» предполагает наличие структур, выходящих «за пределы национального языка», что, с точки зрения философа, происходит в романе крайне редко и является исключением. Оба вида «подлинного активного многоязычия» обуславливают становление романного (прозаического) слова, являются его «необходимой предпосылкой» (Бахтин 1996, V: 157).

«Межа языков» определяется М. Бахтиным как некий «рубеж», точка «напряженной взаимоориентации и борьбы» язы-

ков, когда в языках (остро) «ощущаются грани времен, культур и социальных групп», например, в историческую эпоху смены языков, а также в смешанных культурах, где языки, культуры и народы непосредственно соприкасаются и смешиваются (греческая, оскская, латинская культуры и языки античных «южных италийцев») (Бахтин 1996, IV (1): 494-495). Указанное привносит (момент) глубокого критицизма в жизнь языка, позволяет «творящему» «литературно-языковому» сознанию «выйти» за пределы своего глубинного («упорного и скрытого») языкового (одноязычного) догматизма (Ibid.: 495-496), создает на «меже языков» литературно-художественные образы «поистине божественной дерзости и бесстыдства» (Ibid.: 496), свойственные атмосфере античного смехового искусства, или средневековой эпохе (XVI в.) Франсуа Рабле с исключительно вольным и беспощадно веселым радикализмом его творчества, обеспеченным многоязычным языковым сознанием, не возможным в системе «одного единого и единственного языка» (Ibid.: 495).

Эвристически значимые открытия научной прозы М. Бахтина и относящаяся к ним терминология (наряду с многоязычием он открывает категориально связанные с многоязычием понятия: «разноязычие» [Бахтин 1996, IV (2): 613] (термин-предтеча, один из аспектов многоязычия, определяемый М. Бахтиным как «чужая речь на чужом языке» [Бахтин 1996, V: 534], «гетероглоссия» в современной «нарратологической» дефиниции), «гибридные конструкции» [Бахтин 1996, V: 138]; «стилистический гибрид» [Бахтин 1996, V: 157]) интегрированы в современные теоретические контексты, используются в исследованиях транслингвальности (Virus 2013).

3. Результаты исследования и их обсуждение

Продуктивность культурного и языкового «контакта», отмеченная М. Бахтиным и современными исследователями, находит продолжение в творческих биографиях литераторов-мигрантов, обладающих знаниями и представлениями о нескольких лингвокультурных традициях. «Многофакторная» идентичность («mehrfache Identität» [Vertlib 2007]) авторов-мигрантов формируется сочетанием (взаимоналожением) нескольких естественных языков в языковом сознании писателей-мигрантов. «Происходит скрещение двух языковых мировоззрений» (Бахтин 1996, IV (2): 624), которое проявляется в мно-

гоязычных «сегментах» их литературного творчества.

Вопрос литературоведческого (теоретического) анализа форм и функций литературного многоязычия остается во многом открытым. Известные западные классификации, учитывающие способы интеграции иноязычных сегментов в немецкоязычное литературное произведение (Skiba 2010) или рассматривающие разную интенсивность использования иноязычных цитат с точки зрения их эвидентных и латентных конфронтаций (И. Амодео) (Smirnova & Zhiganova 2020), могут быть дополнены дальнейшими эмпирическими исследованиями межкультурной (немецкоязычной) словесности, обеспечивающими надежный и интересный фактографический материал.

Так, интеграция метаартефактных лингвистических соединений формата *Denglish* и *Dinglish* (грамматически более «упорядоченного», чем *Denglish*), упоминаемая в типологической системе Д. Скиба, актуализируется вариантами аналогичного использования вводимых без перевода, однако (контекстуально) доступных для понимания иноязычных вкраплений на французском, турецком, испанском, греческом, других языках, представленных в отдельных литературных произведениях совокупно.

Таковы многокомпонентные многоязычные структуры, приводимые в автобиографическом романе «Die Brücke vom Goldenen Horn» (1998) немецкой писательницы турецкого происхождения Э. С. Эздамар (Emine Sevgi Özdamar; p. 1946).

В основу сюжета романа положена история семнадцатилетней турчанки, приехавшей из Стамбула в Германию, Западный Берлин, с первыми потоками трудовых мигрантов в 1960-е гг. и начавшей трудовую деятельность в качестве сборщицы радиоламп на известном немецком концерне Telefunken (образ — возможный двойник Э. Эздамар, прошедшей в Германии путь от трудовой мигрантки (также сборщицы радиоламп) 1960-х до европейски известной писательницы, актрисы, режиссера, автора премиальных текстов).

В главе «Der plötzliche Regen kam wie Tausende von leuchtenden Nadeln herunter» героиня отправляется в Париж, чтобы по совету подруги-гречанки поступить в театральную школу и исполнить таким образом свою давнюю детскую мечту.

Среди новых знакомых девушки в Париже — испанский студент Джорди (Jordi), сын известного профессора математики.

Вместе герои едут в Версаль и оказываются в роскошном зале перед множеством зеркал (Зеркальная галерея?), в которые каждый день смотрелась последняя Королева Франции Мария-Антуанетта.

Зеркало — частый объект и молчаливый «субъект-собеседник» задействованных персонажей литературных произведений Э. Эздамар («Der Hof im Spiegel» (2001), трилогия «Sonne auf halbem Weg» (2006) и др.) — трактуется в исследованиях метафорой «третьего пространства» Х. Баба, символом «преодоленного шпагата» (Spagat) между культурами и мирами, местом зарождающейся позитивной межкультурной саморефлексии персонажей (Baumann 2010: 245-246).

Объединяющее межкультурное начало свойственно диалогу турчанки и испанца перед зеркалами Версаля; фраза представлена посредством многоязычного (франко-англо-турецкого) языкового гибрида:

- (1) *Sie sah dort (im Spiegel — T. C.) ein ganzes Mädchen und einen halben Mann, der vor ihr kniete. Der halbe Mann sagte im Spiegel: „Mon amour.“ Dann sagte er: „What is mon amour in Türkisch?“ Sie sagte zum Spiegel: „Sevgilim“. „Sevgilim, Sevgilim, Sevgilim“, sagte der halbe Mann.*¹

Несложная иноязычная лексика диалога, акустически освоенная большинством современных лингвокультур («Mon amour»), не нарушает повествовательную архитектуру текста; уточняющий вопрос на английском «What is mon amour in Türkisch» предваряет понимание иноязычного (турецкого) сегмента («Sevgilim»).

Принцип использования (чаще англоязычных) дополнительных фраз-сигналов, анонсирующих переключение языкового кода и ввод иноязычных цитат — распространенный художественный прием литераторов-мигрантов при встраивании иноязычных реплик. В романе Э. Эздамар он реализуется и средствами немецкого языка при вводе иноязычного (испанского) сегмента в последующем фрагменте текста:

- (2) *Der Junge legte wieder eine Platte auf, spanische Männer sangen Liebeslieder als Chor. Draußen regnete es, und der Regen schlug an die Fenster, aber drinnen*

¹ Özdamar, Emine Sevgi. (2006) Die Brücke vom Goldenen Horn. In *Sonne auf halbem Weg: Die Istanbul — Berlin — Trilogie*. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 578.

*sangen Männer, und das Mädchen hörte ihnen mehr zu als dem Regen. Der Junge ging in die Knie, und während alle die Männer nach Liebe riefen, sang er mit: „Que bella rosa“ und umarmte die Beine des Mädchens.*²

Очевидно, что фраза, обобщающие содержание песни о любви («während alle die Männer nach Liebe riefen») и общая лингвокультурная освоенность нескольких иноязычных компонентов приводимого фрагмента («bella», «rosa»), достаточны для пояснения смысла испанского выражения («Que bella rosa»), остающегося без перевода.

Вместе с тем, английский по-прежнему воспринимается важным языковым скрепом, обеспечивающим многоязычную коммуникацию современных плюрилингвальных сообществ. Так, по-английски оформлен зачин большинства диалогов главы:

(3) *Der Junge sagte: „I am from Spain“. Das Mädchen sagte: „I am türkisch“.*³

*Ich fragte: „Have you brother?“ — „Yes, five brother, and my father ist great Mathematikprofessor in Spain“.*⁴

Очевидная аграмматичность приводимых многоязычных (англо-немецких) высказываний, смешение во фразах английских и немецких слов отражает сразу несколько тенденций в эволюционных трансформациях нормативного (литературного) английского в современной парадигме World Englishes. С одной стороны, безусловна гегемония глобального английского в иерархии современных языков (крайние формы преобладания английского в глобализованном мире характеризуются лингвистами термином «языковой геноцид» («linguicide») (Phillipson) (Кирилина 2015: 78); вместе с тем, несомненны признаки распада «правильного» английского на вариативные металингвистические феномены, проявляющиеся, к примеру, в Denglish и Dinglish, или многочисленных вариациях Foreigner Talk, обслуживающих, по мнению ряда ученых, новую глобальную идентичность (Кирилина 2011: 40).

В романе имманентное присутствие (глобального) английского в жизни героини как отражение его глобальных свойств проявляется во внезапно, «ниоткуда» возникающих в ее подсо-

² Ibid.: 573.

³ Ibid.: 568.

⁴ Ibid.: 569.

знании словах на английском, которые «доносятся» подобно застоялым запахам старого комода:

- (4) *...aber ich fand in meinem Kopf ein englisches Wort, das ich schon lange vergessen hatte, das Wort kam plötzlich wie ein Geruch aus einer Truhe, die zu lange geschlossen war: „Wait“.*⁵

И все-таки английский — не единственно возможный «агент» современного транскультурного диалога. Иные механизмы задействованы в случае использования вербальных или невербальных фактур, понимание которых обусловлено их прецедентностью.

Подобным языком в романе Э. Эздамар виртуозно владеет испанец Джорди. Отсутствующий навык англо-испано-французского говорения главной героини (турчанка приезжает в Париж с единственным заученным французским «паролем», адресом знакомого подруги-гречанки: «Métro die Haltestelle Cité Universitaire» [Özdamar 2006: 561]; знает несколько обиходных фраз по-французски («pardon Madame, pardon Monsieur» [Ibid.: 562], плохо («little bit») [Ibid.: 577] говорит по-английски и не понимает испанского) студент «нивелирует» экспрессией и информативностью прецедентных текстов (ПТ), природная диалогичность которых во многом обеспечивает успех коммуникации.

Джорди декламирует на французском стихотворение турецкого поэта Назыма Хикмета («Der Junge ... las ein Gedicht in Französisch. Er sagte: Nazim Hikmet, great Socialist Poet Türk» [Ibid.: 568]) — героине известно лишь имя знаменитого соотечественника, не его творчество («Ich hatte nur den Namen gehört») (Ibid.) — и предлагает послушать музыкальное переложение поэмы Хикмета (на французском) в исполнении Ива Монтана («Yves Montand sings a poem of Nazim Hikmet») (Ibid.). Далее следует запись «Болеро» Равеля («Ravels „Bolero“») (Ibid.: 569), испанские ритмы которого завораживают турчанку, она воспринимает музыку «оптически», слушает, «всматриваясь» в мелодию «глазами» (бессловесная, алогичная фактура музыки — безусловная «соучастница» транскультурного диалога героев; в главе «задействовано» несколько музыкальных «композиций») («Sie hörte sich die Musik an, aber nicht mit ihren Ohren, sondern mit ihren Augen») (Ibid.: 569). Наконец, студент рассказывает тур-

⁵ Ibid.: 570.

чанке о соотечественнике-поэте Гарсия Лорке («...dann erzählte er von einem spanischen Dichter, Lorca») (Ibid.: 571), убитого военными совсем молодым, но успевшим написать много стихотворений, и декламирует на испанском стихотворение поэта («Hei Luna, Luna, Lunada» [Ibid.]).

Словесный иноязычный компонент приведенных фрагментов минимален. Так, в тексте называются нехарактерные для немецкого языка турецкие, французские, испанские имена — Nazim Hikmet, Yves Montand, Lorca, музыкальное произведение («Bolero»), приводится фрагмент песни на французском Ива Монтана «Tue s comme un Scorpion frère», при этом Джорди переводит турчанке понравившееся ей слово «frère»: «Frère like brother» (Ibid.: 568) и строку из декламируемого Джорди по-испански стихотворения Лорки («Hei Luna, Luna, Lunada») с последующим кратким пояснением героине: «Luna heißt Mond. Zigeuner nahmen den Mond, zerschnitten ihn und machten daraus Ohrringe» (Ibid.: 571). С позиций прецедентности речь идет о наименее метафоричных ПТ, представленных в тексте через «заглавие или цитату, или имя персонажа, или имя автора» (Караулов 1987: 225). С точки зрения многоязычия в этом случае принято говорить о «латентном (фоновом) присутствии любого другого языка в немецкоязычном тексте», вступающего в диалог с его (текстовым) доминантным (немецким) языком, например, при использовании автором не свойственных немецкой лингвокультуре иностранных имен, топографических обозначений и т. д. (Amodeo 1996: 121; Cornejo 2010: 351; Smirnova & Zhiganova 2020). Потенциал латентного многоязычия значим для художественных стратегий многих литераторов-мигрантов и часто используется в немецкоязычной транскультурной литературе вопреки недостаточной репрезентативности «формата» (интересные примеры можно обнаружить в творчестве Й. Тавада) (Smirnova & Zhiganova 2020).

Контрастом к латентной «звучит» эвидентная многоязычная часть главы, представленная лирическим монологом — признанием вдохновенного испанца (к слову, женатого; вопрошающий взгляд юной супруги Джорди, находящейся в Англии, устремлен с фотографии на турчанку), переданным французским оригиналом знаменитого стихотворения Ш. Бодлера «Приглашение к путешествию» («L'Invitation au Voyage»), ожидаемого во

французских «декорациях» сюжета.

- (5) *Mon enfant, ma soeu,
Songe à la douceur
D'aller là-bas vivre ensemble! [...]*.⁶

Поэтический текст Бодлера приводится без сокращений и перевода (очевидный авторский знак сокровенной неприкосновенности оригинала), стихотворение выделено графически (курсивом), авторство Бодлера указывается в затекстовых сносках романа. Все это — элементы интертекстуальности с точки зрения современной нарратологии.

Ряд последующих семантически сопоставимых невербальных ПТ, наделенных разной степенью метафоричности — Эйфелева башня, сверкающими огнями отражающаяся в окнах машины, на которой пара совершает прогулку по ночному Парижу («am Autofenster blinzelte der Eiffelturm») [Özdamar 2006: 571], Елисейские поля («Champs Elysées») [Ibid.: 564], живописный Монмартр («Montmartre») [Ibid.: 566], багеты («ihre langen Brote; die Baguettes») [Ibid.: 571-572], Версаль («Versailles») [Ibid.: 577] — парадная «витрина» Парижа, а также бордели и кафе, единственно сохраняющие признаки жизни в величественном городе-музее («Die ganze Stadt war ein großes Museum, nur die Cafés waren lebendig wie Bordelle») (Ibid.: 579), дополняют непреходящее эстетическое воздействие Парижа на героев и читателей их истории.

Несложно заметить, что многие из названных иноязычных (французских) компонентов (а также других в главе) приведены в аутентичном написании, их фрагментарная ассимиляция к немецкому реализуется, например, через артиклевые формы («die Guillotine», «die Baguettes»). Подобное сохранение автором-мигрантом аутентичных (национальных) элементов в немецкоязычном литературном произведении воспринимается не как экзотическая декорация, способствующая эстетизации жанра; это явление становится приметой современного «межкультурного модерна» («Interkulturelle Moderne») (Skiba 2010: 329), обуславливая и одновременно питая его.

4. Выводы

Межкультурная многоязычная словесность писателей-мигрантов объединяет различные этнические и культурные ис-

⁶ Ibid.: 580.

токи, образуя естественный многоязычный, многонациональный субстрат современных транслингвальных культур.

Сочетания многоязычных элементов *нескольких* языков и культур в литературных произведениях современных авторов-мигрантов разнообразны и не являются исключительными (единственными в своем роде). Каждый автор выбирает собственную «многоязычную» эстетику, максимально соответствующую ее (его) индивидуальным художественным представлениям и принципам. Вместе с тем, многоязычие (и его вариативные гибридные «проявления») — частый признак сочинений авторов-мигрантов, «усиливающий» творческий потенциал литературного произведения, — ориентирован на реализацию, в том числе, посреднической «миссии» писателей-мигрантов в процессах транснационализации.

Способы интеграции иноязычных элементов в немецкоязычной транскультурной литературе различны; иноязычные «вставки» могут использоваться в тексте в неизменном, неадаптированном к немецкому языку виде (без перевода, с сохранением аутентичного написания).

В романе «Die Brücke vom goldenen Horn» Э. Эздамар очевидный интерес представляют *многокомпонентные многоязычные сочетания-гибриды, вводимые автором без перевода*. Их понимание обеспечивается рядом индивидуальных авторских художественных стратегий Э. Эздамар: использованием (акустически) освоенной в большинстве современных лингвокультур несложной иноязычной лексики; включением предваряющих переключение языковых переходов фраз-«сигналов» (не только на английском, но также немецком, доминантном языке литературного произведения); вводом английских языковых фраз-скреп, обеспечивающих многоязычную коммуникацию; вовлечением потенциала вербальных и невербальных прецедентных фактур, обеспечивающих смысловую коммуникацию.

Имагологический потенциал используемых иноязычных компонентов не вызывает сомнений; «философия» использования литераторами-мигрантами многоаспектного потенциала многоязычия определяет успешность диалога культур, поддерживает тезис о «коммуницируемости» литературы.

Список литературы / References

- Бахтин М. М.* «Франсуа Рабле в истории реализма» (1940 г.); Материалы к книге о Рабле (1930-1950-е гг.); комментарии и приложения // Собрание сочинений в 7 т. Т. 4/1. М.: Русское слово, 1996. [Bakhtin, Mikhail M. (1996) "Fransua Rable v istorii realizma" (1940 g.); Materialy k knige o Rable (1930-1950-e gg.); Kommentarii i prilozheniya ("François Rabelais in the History of Realism" (1940s); Working Notes on the Book about Rabelais (1930-1950s); Commentary and Appendices). In *Sobraniye sochineniy v 7 t.* Т. 4/1 (Collected Works in 7 vols. Vol. 4/1). Moscow: Russkoye slovo, 1996. (In Russian)].
- Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса (1965 г.); Рабле и Гоголь (искусство слова и народная смеховая культура) (1940, 1970 гг.); комментарии и приложение // Собрание сочинений в 7 т. Т. 4/2. М.: Русское слово, 1996. [Bakhtin, Mikhail M. (1996) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennsansa* (1965 g.); *Rable i Gogol (iskusstvo slova i narodnaya smekhovaya kul'tura)* (1940, 1970 gg.); komentarii i prilozheniya (Works of Francois Rabelais and folk culture of the middle ages and Renaissance (1965); Rabelais and Gogol (Art of Speech and Folk Laughter Culture) (1940, 1970); Commentary and Appendix). In *Sobraniye sochineniy v 7 t.* Т. 4/2 (Collected Works in 7 vols. Vol. 4/2). Moscow: Russkoye slovo, 1996. (In Russian)].
- Бахтин М. М.* К стилистике романа // Собрание сочинений в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М.: Русское слово, 1996. С. 138—140. [Bakhtin, Mikhail M. (1996) *K stilistike romana* [On the Stylistics of the Novel]. In *Sobraniye sochineniy v 7 t.* Т. 5. *Raboty 1940-kh — nachala 1960-kh godov* (Collected Works in 7 vols. Vol. 5. Works of 1940s — early 1960s). Moscow: Russkoye slovo, 138—140. (In Russian)].
- Бахтин М. М.* Многоязычие как предпосылка развития романного слова // Собрание сочинений в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М.: Русское слово, 1996. С. 157—158. [Bakhtin, Mikhail M. (1996) *Mnogoyazychiye kak predposylka razvitiya romannogo slova* (Multilingualism as a Prerequisite for the Development of the Novel Word). In *Sobraniye sochineniy v 7 t.* Т. 5. *Raboty 1940-kh — nachala 1960-kh godov* [Collected Works in 7 vols. Vol. 5. Works of 1940s — early 1960s]. Moscow: Russkoye slovo, 157—158. (In Russian)].
- Бахтин М. М.* Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Собрание сочинений в 7 т. Т. 6. «Проблемы поэтики Достоевского». М.: Русское слово, 1996. С. 451—457. [Bakhtin, Mikhail M. (1996) *Otvet na vopros redaktsii "Novogo mira"* (Response to the Question from the *Novy Mir* Editorial Staff). In *Sobraniye sochineniy v 7 t.* Т. 6. "Problemy poetiki Dostoevskogo" (Collected Works in 7 vols. Vol. 6. Problems of Dostoevsky's Poetics). Moscow: Russkoye slovo, 1996, 451—457. (In Russian)].

- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. [Karaulov, Yury N. *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'* (Russian Language and Linguistic Personality). Moscow: Nauka, 1987. (In Russian)].
- Кирилина А. В. Контакт языков в немецком языковом пространстве // Вестник Московского института лингвистики. 2011. № 2. С. 36—45. [Kirilina, Alla V. (2011) Kontakt yazykov v nemetskom yazykovom prostranstve (Language Contacts in the German Language Space). *Bulletin of Moscow Institute of Linguistics*, 2, 36—45. (In Russian)].
- Кирилина А. В. Сходства в развитии коммуникативно мощных европейских языков в эпоху глобализации // Вопросы психолингвистики. 2015. № 24. С. 77—89. Kirilina, Alla V. (2015) Skhodstva v razvitii kommunikativno moshchnykh evropeyskikh yazykov v epokhu globalzatsii (Similarities in the Development of Communicatively Powerful European Languages in the Age of Globalization). *Journal of Psycholinguistics*, 2 (24), 77—89. (In Russian)].
- Amodeo, Immacolata. (1996) *„Die Heimat heißt Babylon“*. Zur Literatur ausländischer Autoren in der Bundesrepublik Deutschland. Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Appadurai, Aijun. (1990) Disjuncture and difference in the global cultural economy. *Public Culture*, 2 (2), 1—24.
- Baumann, Beate. (2010) „Ich drehte meine Zunge ins Deutsche, und plötzlich war ich glücklich“. Sprachbewusstheit und Neuinszenierungen des Themas Sprache in den Texten Emine Sevgi Özdamars. In Bürger-Koftis, Michaela; Schweiger, Hannes, & Vlasta, Sandra. (eds) *Polyphonie — Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität*. Wien: Praesens Verlag, 225—250.
- Bhabha, Homi K. (2000) *Die Verortung der Kultur*. Tübingen: Stauffenburg.
- Birus, Hendrik. Jenseits von Identität vs. Alterität: Goethes «West-östlicher Divan» als hybride Poesie // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Т. X. Гетерогенность и гибридность как предмет изучения в германистике. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 24—33. [Birus, Hendrik. (2013) Jenseits von Identität vs. Alterität: Goethes «West-östlicher Divan» als hybride Poesie. In Bakshi, Natal'ya A., Babenko, Nataliya S. (eds) *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov*. Т. 10. Geterogennost' i gibridnost' kak predmet izucheniya v germanistike (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Vol. 10. Heterogeneity and Hybridity as a Subject of Study in Germanic Philology). Moscow: LRC Publishing House, 24—33. (In German)].
- Bürger-Koftis, Michaela; Schweiger, Hannes, & Vlasta, Sandra (2010). Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität. In Bürger-Koftis, Michaela; Schweiger, Hannes, & Vlasta, Sandra. (eds) *Polyphonie — Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität*. Wien: Praesens Verlag, 11—20.
- Cornejo, Renata. 2010. Dialogizität und kreativer Umgang mit der

- (Fremd)Sprache im lyrischen Schaffen von Jiří Gruša. In Bürger-Koftis, Michaela; Schweiger, Hannes, & Vlasta, Sandra. (eds) *Polyphonie — Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität*. Wien: Praesens Verlag, 349—366.
- Esselborn, Karl. (1997) Eine deutsche Literatur — AutorInnen nicht-deutscher Muttersprache. *Deutsch als Fremdsprache*, 46, 326—340.
- Esselborn, Karl. (2009) Neue Zugänge zur inter/transkulturellen deutschsprachigen Literatur. In Schmitz, Heinz-Günter. (ed.) *Von der nationalen zur internationalen Literatur. Transkulturelle deutschsprachige Literatur und Kultur im Zeitalter globaler Migration*. Amsterdamer Beiträge zur Neueren Germanistik, vol. 69. Amsterdam; New York: Rodopi, 43—58.
doi: https://doi.org/10.1163/9789042028777_004
- Hall, Stuart. (1994) *Rassismus und kulturelle Identität*. Hamburg: Argument Verlag.
- Skiba, Dirk. (2010) Formen literarischer Mehrsprachigkeit in der Migrationsliteratur. In Bürger-Koftis, Michaela; Schweiger, Hannes, & Vlasta, Sandra. (eds) *Polyphonie — Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität*. Wien: Praesens Verlag, 323—334.
- Smirnova, Tatyana P. & Zhiganova, A.V. (2020) Multilingualism in Contemporary Translingual German-Language Literature: Forms And Functions. *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences* (being published).
- Vertlib, Vladimir. (2007) *Spiegel im fremden Wort*. Dresden: Tehlem Verlag.

Tatyana P. Smirnova
Nizhny Novgorod State Linguistics University

Linguistic Borders: Multilingualism in Transcultural German-language Literature

Multilingualism as a distinctive phenomenon of polylingual literatures is explored in Germanic studies being exemplified by transcultural German-language literature (the contemporary literature of German-language migrants) and is considered its major constituent feature. Multilingualism reveals itself at the different levels of a literary text (phonetic, morphological, lexical, narrative, etc.) and contributes to the aestheticization of cross-cultural literature.

The basis of research on literary multilingualism is formed by S. Hall's theoretical ideas about the hybrid cultures of the era of globalization, H. Bhabha's theory of the productivity of "the third space" that appears on the border of contacting cultures, and P. Bourdieu's concept of an autonomous and heterogeneous literary field.

Long before the contemporary theorists of multiculturalism, the positive potential of the dialogue of cultures was pointed out by M. Bakhtin. In the theo-

retical works of 1930-1940s on the theory and history of the novel as a genre, M. Bakhtin for the first time introduced the metalinguistic category of multilingualism into the research context (linguistic borders/boundaries) and considered it the main factor in the development of the novel (prose) word. Heuristically significant concepts, categorically connected with multilingualism and discovered by M. Bakhtin (“varied-speechedness” (heteroglossia), “hybrid constructions”, “a stylistic hybrid”, etc.), are integrated into the contemporary studies of transcultural lingual literary practices.

This study is aimed at examining the possible representative forms of multilingualism in transcultural German-language literature. The empirical analysis is based on the material of the novel *Die Brücke vom Goldenen Horn* (1998) by German writer of Turkish descent E. S. Özdamar. Special attention is paid to the integration of multilingual quotations that are given in the novel without translation. The creative activity of this writer is analyzed from such a perspective for the first time. The research findings point to the productive stylistic and imagological potential of literary multilingualism.

Key words: multilingualism, “varied-speechedness” (heteroglossia), transcultural German-language literature; Mikhail Bakhtin; Emine Sevgi Özdamar; “The Bridge of the Golden Horn”